ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ [1]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА . 1960

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящий выпуск «Библиотечки по научному социализму» входит произведение Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В нем популярно изложены теоретические основы и важнейшие положения научного социализма.

Энгельс кратко характеризует здесь утопический социализм, вскрывает его сильные и слабые стороны. Он показывает предпосылки и причины возникновения научного социализма, дает характеристику основных этапов развития философии, подготовивших рождение диалектического и исторического материализма.

В этом произведении Энгельс говорит о двух великих открытиях К. Маркса — материалистическом понимании истории и теории прибавочной стоимости, открытиях, которые превратили социализм из утопии в науку. Он показывает, что капиталистическое общество полно антагонистических противоречий, которые вызывают ожесточенную классовую борьбу, разрешающуюся рано или поздно пролетарской революцией. Пролетариат в результате этой революции преобразует общество на социалистических началах.

Научный социализм, говорит Энгельс, есть теоретическое выражение пролетарского движения. Его задачей является исследование исторических условий и природы пролетарской революции, а также деяний самого пролетариата, совершающего эту революцию.

Редакционная коллегия

«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ВВЕДЕНИЕ
К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, приват-доцент Берлинского университета, внезапно и довольно крикливо заявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробно разработанную социалистическую теорию, но и полный практический план преобразования общества. Само собой разумеется, он обрушился на своих предшественников; больше всего досталось Марксу, на которого он излил свой гнев полной чашей.

Это случилось в то время, когда только что произошло слияние двух частей социалистической партии в Германии — эйзенахцев и лассальянцев [2] — и партия таким образом не только чрезвычайно усилилась, но, что еще важнее, получила также возможность направить все свои силы против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности только что завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии. Поэтому мы были вынуждены поднять брошенную нам перчатку и вступить в бой, хотели мы того или нет.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно кропотливым. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная *«основательность»,* называйте ее как угодно — основательное глубокомыслие

или глубокомысленная основательность. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что́, по его мнению, является новой доктриной, он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что и первые принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новооткрытой и все завершающей теории. И в данном отношении д-р Дюринг был вполне скроен по этой национальной мерке. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — философии духа, морали, природы и истории,— полная «Система политической экономии и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономии» — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса доказательств, мобилизованных против предшествующих философов и против экономистов вообще и Маркса в особенности,— ведь это, поистине, попытка совершить полнейший «переворот в науке»,— вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был вынужден трактовать обо всех и всевозможных предметах: от концепций времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения до преходящей природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющая система моего противника давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной, вынудившей меня взяться за эту, во всех других отношениях неблагодарную, задачу.

Ответ мой сперва появился в виде ряда статей в лейпцигском «Vorwärts», центральном органе социалистической партии [3], а затем — в виде книги «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 году.

По просьбе моего друга Поля Лафарга, ныне депутата от Лилля во французской палате, из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием *«Социализм утопический и социализм научный».* Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально

была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский. Таким образом, включая и настоящее, английское, издание, брошюра эта получила распространение на десяти языках. Полагаю, что ни одно социалистическое произведение, не исключая даже нашего «Коммунистического Манифеста», впервые изданного в 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражом около 20 000 экземпляров.

Приложение «Марка» [4] было написано с целью распространения среди немецкой социалистической партии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение городских рабочих немецкой социал-демократической партией было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. Это приложение было включено в издание из тех соображений, что первобытные формы землевладения, общие у всех тевтонских племен, и история их разложения еще менее известны в Англии, чем в Германии. Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно предложенной Максимом Ковалевским, согласно которой разделу пахотных и луговых полей между членами марки предшествовала общая совместная обработка этой земли большой патриархальной семейной общиной, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южнославянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится sub judice *.

Употребляемые в этой работе экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией «Капитала» Маркса, как она дана в английском издании. Под «товарным производством» мы понимаем ту фазу экономического развития, на которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей, но и с целью обмена, т. е. производятся *в качестве товаров*,

---

*— в стадии обсуждения. *Ред.*

а не потребительных стоимостей. Эта фаза существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; своего полного развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, т. е. в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает рабочих — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы,— и кладет себе в карман излишек продажной цены продуктов над издержками. Историю промышленности, начиная со средних веков, мы делим на три периода: 1) ремесло, мелкие мастера-ремесленники с их немногочисленными подмастерьями и учениками, причем каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более крупное число рабочих, собранных в одном обширном предприятии, производит весь предмет в порядке разделения труда, т. е. каждый рабочий выполняет какую-нибудь одну частичную операцию, так что продукт готов лишь после того, как он последовательно прошел через руки их всех; 3) современная промышленность, при которой продукт производится машинами, приводимыми в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдением за действиями механизмов и их регулированием.

Я прекрасно знаю, что содержание этой брошюры задене за живое значительную часть британской читающей публики. Но если бы мы, жители континента, хоть сколько-нибудь считались с предрассудками британской «респектабельности», т. е. британского филистерства, то дело обстояло бы еще хуже, чем сейчас. Предлагаемая брошюра написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом», а слово «материализм» режет слух подавляющего большинства британских читателей. «Агностицизм» * — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь.

И все же первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII века, является именно Англия.

«Материализм — прирожденный сын Великобритании. Уже ее схоластик Дунс Скот спрашивал себя: «не способна ли материя мыслить?»

---

* *Агностицизм* — от греческих слов: а — не, гносис — знание; агностик допускает существование материальных вещей, но считает их непознаваемыми *Ред.*

Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божьему, т. е. он заставлял самое теологию проповедовать материализм. Кроме того он был номиналистом *. Номинализм был одним из главных элементов у английских материалистов и вообще является первым выражением материализма.

Настоящий родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки — это Бэкон. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на чувственный опыт,— важнейшей частью естествознания. Анаксагор с его гомеомериями и Демокрит с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение,— не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Беме, му́ка [Qual] ** материи. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия сущностные силы.

У Бэкона, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.

В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского

---

* *Номинализм* — от латинского слова номен — имя; направление в средневековой философии, признававшее общие родовые понятия лишь именами для обозначения сходных предметов. *Ред.*

** *«Qual»,* это — философская игра слов. «Qual» буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-нибудь действие. В то же самое время мистик Беме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова qualitas (качество). Его «qual», это — в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, ему подверженной, а также, в свою очередь, вызывающее к жизни это развитие. *(Примечание Энгельса к английскому изданию.)*

материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению; геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

Если наши чувства являются источником всех наших знаний,— рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона,— то идея, мысль, представление и т. д.— все это не что иное, как фантомы телесного мира, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только дать названия этим фантомам. Одно и то же название может быть применено ко многим фантомам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой же стороны — утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что, кроме представляемых нами всегда единичных сущностей, имеются еще какие-то всеобщие сущности. Бестелесная субстанция — это такое же противоречие, как бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция — все это одна и та же реальная идея. *Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит* *. Материя является субъектом всех изменений. Слово бесконечный — бессмысленно, если оно не означает способности нашего духа без конца прибавлять к какой-нибудь данной величине. Так как только материальное воспринимаемо, познаваемо, то ничего не известно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть кончающееся или начинающееся механическое движение. Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом. Человек подчинен тем же законам, что и природа. Могущество и свобода — тождественны.

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал более детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств.

---

* Курсив принадлежит Энгельсу. *Ред,*

Локк обосновывает принцип Бэкона и Гоббса в своем сочинении о происхождении человеческого разума.

Как Гоббс уничтожил теистические * предрассудки бэконовского материализма, так Коллинз, Додуэлл, Кауард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма. Деизм ** — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии» ***.

Так писал Карл Маркс о британском происхождении современного материализма. И если в настоящее время англичане не чувствуют себя особенно польщенными этим признанием заслуг их предков, то об этом можно только пожалеть. Нельзя все же отрицать, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами той блестящей школы французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные немцами и англичанами на суше и на море над французами, сделали XVIII век преимущественно французским веком, и это — задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой мы как в Англии, так и в Германии все еще стремимся акклиматизировать у себя.

Этого никак нельзя отрицать. Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бакленд и Мантелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой

---

* *Теистические* — свойственные *теизму,* философско-богословскому учению, признающему существование личного бога, творца вселенной. *Ред.*

** *Деизм* — философско-богословское направление, отказывающееся от идеи личного бога и признающее бога как безличную первопричину мира. *Ред.*

*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Святое семейство. Франкфурт-на-Майне, 1845 г., стр. 201—204. *(Примечание Энгельса*) — См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 142—144. *Ред.*

толпе», как тогда выражались,— к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того, чтобы найти людей, осмеливавшихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Но с того времени Англия «цивилизовалась». Выставка 1851 г. прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище и питье, в обычаях, в представлениях, она достигла в этом таких успехов, что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается столь благородным, как английская государственная церковь, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения». И я не могу освободиться от мысли, что многим, кто всем сердцем сокрушается по поводу этого прогресса неверия и проклинает его, будет утешительно узнать, что эти новоиспеченные идеи не чужеземного происхождения, не носят на себе марки Made in Germany — изготовлено в Германии — как множество других предметов повседневного обихода; что они, напротив, староанглийского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем их нынешние потомки.

Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливый материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь естественный мир управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но — предусмотрительно добавляет агностик — мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка могла иметь известную ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в «Небесной механике» * этого великого астронома даже не упомя-

---

* *Laplace P. S.,* Traité de mécanique céleste. Vol. I—V. Paris, 1799—1825. *Ред.*

нуто имя творца мира, дал гордый ответ: «Je n'avais pas besoin de cette hypothèse» *. В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Но если захотели бы признать некое высшее существо, исключенное из всего существующего мира, то это само по себе было бы противоречием и к тому же, как мне кажется, незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание основано на тех сообщениях, которые мы получаем через посредство наших чувств. Но, добавляет он, откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых ими вещей? И далее он сообщает нам, что когда он говорит о вещах или об их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства. Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, по-видимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «Вначале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. The proof of the pudding is in the eating **. В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя,— мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления,— тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы обнаруживаем, что сделали ошибку, то по большей части в скором времени умеем найти причину этой ошибки; мы

---

* «У меня не было надобности в этой гипотезе». *Ред.*

** Проверка пудинга состоит в том, что его съедают. *Ред.*

находим, что восприятие, легшее в основу нашего испытания, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается положением дела; это мы называем ложным умозаключением. До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями,— до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей. Нет ни единого случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы вынуждены были заключить, что наши научно проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность.

Но тут является новокантианский агностик и говорит: да, возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным процессом постичь не можем. Эта вещь в себе находится по ту сторону нашего познания. На это уже Гегель давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас и, как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка,— постигли знаменитую кантовскую непознаваемую вещь в себе. В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что во времена Канта наше познание природных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особой таинственной вещи в себе. Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, вследствие гигантского прогресса науки, уже постигнуты, проанализированы и даже более того — воспроизведены. А то, что мы сами можем *сделать*, мы уж, конечно, не можем назвать непознаваемым. Подобными таинственными существами для химии первой половины нашего столетия были органические вещества. Теперь нам удается составлять их одно за другим из их химических элементов и без помощи органических процессов. Современная химия ут-

верждает: коль скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из его элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ, так называемых белковых тел; однако нет никакого основания считать, что мы и спустя столетия не сможем достигнуть этого знания и с его помощью добыть искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с том мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь от самых низших до самых высших ее форм есть не что иное, как нормальный способ существования белковых тел.

Но наш агностик, сделав свои формальные оговорки, говорит и действует уже совсем как закоренелый материалист, каким он в сущности и является. Он, может быть, скажет: насколько *нам* известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию, нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь определенном случае использовать это признание против него — он моментально заставит вас замолчать. Если он in abstracto * допускает возможность спиритуализма, то in concreto ** он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: поскольку мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько это нам известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление —- только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек *науки,* поскольку он что-либо *знает,* постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом.

Во всяком случае несомненно одно: даже если бы я был агностиком, я не мог бы изложенный в этой книжке взгляд на историю назвать «историческим агностицизмом». Религиозные люди высмеяли бы меня, а агностики с негодованием спросили бы: не издеваюсь ли я над ними? И я надеюсь, что и британская «респектабельность», которая по-немецки называется филистерством, не будет чересчур

* — вообще, отвлеченно. *Ред.*

** — в конкретном случае. *Ред.*

возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение «исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой.

Может быть ко мне отнесутся еще более снисходительно, если я докажу, что исторический материализм может оказаться полезным даже для респектабельности британского филистера. Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражало то, что́ ему должно было казаться религиозным ханжеством или ограниченностью английского «респектабельного» среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так глуп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

Когда Европа вышла из средневековья, поднимавшаяся вверх городская буржуазия была его революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее способности к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальной системой, феодальная система должна была пасть.

Но крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим греческим, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным владетелем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

Однако вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых растущая буржуазия должна была прийти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против авторитета католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то сильный отклик он неизбежно находил в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая реформация в Германии. Ответом на призыв Лютера к бунту против церкви явились два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон Зиккингена в 1523 г., а затем — великая крестьянская война 1525 года. Оба они были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии,— нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться. С этого момента борьба выродилась в грызню между отдельными князьями и имперской центральной властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы. Лютеранская реформация установила в ней во всяком случае новую религию — именно такую, какая как раз нужна

была абсолютной монархии. Не успели крестьяне на северо-востоке Германии принять лютеранство, как они были из свободных людей низведены до состояния крепостных.

Но там, где Лютера постигла неудача, победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревле почитаемый экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом церковный строй Кальвина был насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках германских мелких князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии. Буржуазия городов дала ему первый толчок, а среднее крестьянство (йоменри) сельских округов привело его к победе. Оригинальное явление: во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот. Для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда уже вполне созрели для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше этой цели;

совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества.

За этим избытком революционной деятельности последовала неизбежная реакция, которая в свою очередь тоже зашла дальше цели. После ряда колебаний установился, наконец, новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития. Замечательный период английской истории, который филистеры окрестили «великим бунтом», и следующие за ним битвы завершаются сравнительно незначительным событием 1689 г., которое либеральная историография называет «славной революцией».

Новый исходный пункт был компромиссом между поднимающейся буржуазией и бывшими крупными феодальными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чтобы стать тем, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: первыми буржуа нации. К счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой розы. Их наследники, большей частью также отпрыски этих старых фамилий, вели однако свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новую корпорацию. Их привычки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными. Они прекрасно знали цену деньгам и немедленно принялись вздувать земельную ренту, прогнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Генрих VIII массами создавал новых лендлордов из буржуазии, раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили беспрерывно продолжавшиеся до конца XVII века конфискации крупных имений, которые затем раздавались выскочкам или полувыскочкам. Поэтому английская «аристократия» со времени Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлекать из нее пользу. И точно так же всегда находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с вождями финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом, легко мог осуществиться компромисс 1689 года. Политические трофеи — должности, синекуры, высокие оклады — доставались на долю знатных родов

земельного дворянства с условием: в достаточной мере соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса. Эти экономические интересы уже тогда были достаточно могущественны; в конечном счете они определяли собой общую политику нации. Конечно, существовали раздоры по тому или другому отдельному вопросу, но аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленной и торговой буржуазии.

С этого времени буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов Англии. Вместе с остальными она была заинтересована в подавлении огромных трудящихся масс народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей челяди сам занимал положение кормильца-хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного повелителя». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозен; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий» — огромной производящей народной массы,— и одним из применявшихся при этом средств было влияние религии.

Но сюда присоединилось еще другое обстоятельство, усиливавшее религиозные склонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое безбожное учение не только приводило в ужас благочестивое среднее сословие,— оно в довершение всего объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованной большой массы, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению этого puer robustus sed malitiosus *, т. е. на-

* — здоровенного, но злонамеренного малого. *Ред*,

рода. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр.— новая, деистическая форма материализма оставалась аристократическим эзотерическим * учением, и поэтому материализм был ненавистен буржуазии не только за его религиозную ересь, но и за его антибуржуазные политические связи. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выдвинули также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас составляют основной хребет «великой либеральной партии».

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он застал вторую материалистическую философскую школу, вышедшую из картезианской философии, с которой он и слился. И во Франции тоже он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты не ограничивали своей критики только областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким-то образом, в той или иной форме,— как открытый материализм или как деизм,— материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека».

Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве. Она была также первым восстанием, в котором борьба была действительно доведена до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии. В Англии преемственная связь между

* — для посвященных. *Ред.*

дореволюционными и послереволюционными учреждениями и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных правовых форм. Во Франции, напротив, революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в Гражданском кодексе мастерски приспособила к современным капиталистическим отношениям старое римское право — это почти совершенное выражение юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством»,— и приспособила до такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, служит образцом при реформах права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного. Если английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению,— пишется Лондон, а произносится Константинополь, по выражению одного француза,— то зато это же самое английское право является единственным, которое в течение веков сохранило в неискаженном виде и пересадило в Америку и в колонии лучшую часть той личной свободы, местного самоуправления и обеспеченности от всякого постороннего вмешательства, кроме судебного,— словом, тех древнегерманских свобод, которые на континенте под властью абсолютных монархий совершенно исчезли и до сих пор нигде еще вновь не завоеваны в полном объеме.

Вернемся, однако, к нашему британскому буржуа. Французская революция дала ему великолепную возможность разрушить с помощью континентальных монархий французскую морскую торговлю, захватить французские колонии и уничтожить последние притязания французов на морское соперничество. Таково было одно из оснований, толкнувших его на борьбу с революцией. Вторым было то, что методы этой революции пришлись ему уж очень не по вкусу,— не только ее «преступный» террор, но даже самая ее попытка довести до крайних пределов господство буржуазии. Да и что бы стал делать британский буржуа

без своей аристократии, которая и манерам его обучала (манерам, достойным учителя), и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые рынки? Впрочем, среди буржуазии было все же прогрессивное меньшинство — люди, интересы которых не особенно выигрывали от компромисса. Это меньшинство, состоявшее главным образом из менее зажиточной буржуазии, относилось с симпатией к революции, но в парламенте оно было бессильно.

Таким образом, чем больше материализм становился символом веры французской революции, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии. Разве времена террора в Париже не показали, что́ получается, когда народ утрачивает религию? Чем больше материализм распространялся из Франции на соседние страны и получал подкрепление от родственных теоретических течений, особенно от германской философии; чем больше материализм и вообще свободомыслие в действительности становились на континенте необходимым признаком образованного человека, тем упорнее держался английский средний класс за свои разнообразные религиозные верования. Как бы сильно они ни отличались друг от друга, но все они были ярко выраженными религиозными, христианскими верованиями.

В то время как во Франции революция обеспечила политическое торжество буржуазии, в Англии Уатт, Аркрайт, Картрайт и другие дали первый толчок к промышленной революции, которая совершенно переместила центр тяжести экономических сил. Богатство буржуазии теперь стало расти несравненно быстрее, чем богатство земельной аристократии. Внутри самой буржуазии финансовая аристократия, банкиры и т. п. все более стали отступать на задний план в сравнении с фабрикантами. Компромисс 1689 г. даже после изменений, постепенно произведенных в пользу буржуазии, уже более не соответствовал соотношению сил участников этого соглашения. Характер участников также изменился: буржуазия 1830 г. очень сильно отличалась от буржуазии предыдущего столетия. Остававшаяся еще в руках аристократии политическая власть, которую она направила против притязаний новой промышленной буржуазии, стала несовме-

стимой с новыми экономическими интересами. Необходимо было возобновить борьбу против аристократии, и эта борьба могла кончиться только победой новой экономической силы. Под влиянием французской революции 1830 г. впервые была проведена, несмотря на все сопротивление, парламентская реформа. Это создало для буржуазии признанное и могущественное положение в парламенте. Затем пришла отмена хлебных законов [5], которая раз навсегда установила перевес буржуазии, особенно ее наиболее деятельной части, фабрикантов, над земельной аристократией. Это была величайшая победа буржуазии, но в то же время и последняя, которую она одержала исключительно в своих собственных интересах. Все ее позднейшие триумфы ей приходилось делить с новой социальной силой, вначале действовавшей в союзе с ней, но затем выступившей в роли ее соперницы.

Промышленная революция создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих. Этот класс непрерывно увеличивался численно по мере того, как промышленная революция захватывала одну отрасль производства за другой. Вместе с его численностью росла также и его сила, и эта сила обнаружила себя уже в 1824 г., когда она принудила упорствующий парламент отменить законы против свободы коалиций. Во время агитации за реформу рабочие составляли радикальное крыло партии реформы. Когда актом 1832 г. они были лишены права голоса, они изложили свои требования в Народной хартии (People's charter) и, в противоположность сильной буржуазной Лиге против хлебных законов, организовались в независимую партию чартистов. Это была *первая рабочая партия* нашего времени.

Затем в феврале и марте 1848 г. вспыхнули революции на континенте, в которых рабочие сыграли такую важную роль и где они, по крайней мере в Париже, выступили с требованиями, решительно недопустимыми с точки зрения капиталистического общества. А за этим последовала всеобщая реакция. Сначала поражение чартистов 10 апреля 1848 г., потом подавление парижского восстания рабочих в июне того же года, далее неудачи 1849 г. в Италии, Венгрии, Южной Германии и, наконец, победа Луи Бонапарта над Парижем 2 декабря 1851 года. Таким образом, удалось хоть на некоторое время отогнать

пугало рабочих требований, но чего это стоило! Если британский буржуа еще раньше был убежден в необходимости держать простой народ в религиозной узде, то насколько же сильнее должен был он чувствовать эту необходимость после всего пережитого! И, не обращая ни малейшего внимания на насмешки своих континентальных собратьев, он продолжал тратить из года в год тысячи и десятки тысяч для пропаганды евангелия низшим сословиям. Не довольствуясь собственным религиозным аппаратом, он обратился к «брату Джонатану» *, величайшему тогда организатору религиозных спекуляций, и импортировал из Америки ревивализм, Муди, Санки ** и им подобных; наконец, он согласился даже на то, чтобы получать опасную помощь «Армии спасения», которая возрождает приемы пропаганды древнего христианства, обращается к бедным, как к избранникам божьим, борется с капитализмом на свой религиозный лад и таким образом развивает некоторые стороны древнехристианской классовой борьбы, которые в один прекрасный день могут стать весьма роковыми для богатых людей, тратящих теперь на это дело наличные денежки.

По-видимому, можно принять за закон исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удается — по крайней мере на продолжительное время — завладеть политической властью таким же исключительным образом, как владела ею феодальная аристократия в течение средних веков. Даже во Франции, где феодализм был вырван с корнем, буржуазия как класс в целом только на короткие сроки вполне завладевала правительственной властью. При Луи-Филиппе, с 1830 по 1848 г., господствовала только незначительная часть буржуазии; гораздо бо́льшая часть была вследствие высокого ценза лишена избирательных прав. Во время Второй республики, 1848—1851 гг., господствовала буржуазия в целом, но всего только три года; ее неспособность проложила дорогу Второй империи. Только теперь, при

---

* *«Брат Джонатан»* олицетворяет Соединенные Штаты Северной Америки (так же как *«Джон Булль»* — Англию). Это прозвище впоследствии сменилось кличкой *«дядя Сэм»*. *Ред.*

** *Ревивализм* — религиозное движение прошлого века, пытавшееся укрепить падающее влияние религии. *Муди* и *Санки* — американские проповедники, бывшие в числе организаторов этого движения. *Ред.*

Третьей республике, буржуазия как целое двадцать лет продержалась у кормила правления, но уже сейчас она обнаруживает отрадные признаки упадка. Продолжительное господство буржуазии было до сих пор возможно только в таких странах, как Америка, где феодализма никогда не было и где общество с самого начала создавалось на буржуазном фундаменте. И даже во Франции и Америке уже громко стучатся в двери наследники буржуазии — рабочие.

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила аристократии почти исключительное обладание всеми высокими правительственными должностями. Покорность, с которой богатый средний класс мирился с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока в один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, В. А. Форстер, не произнес речь, обращенную к брэдфордской молодежи, умоляя ее ради собственного блага изучать все-таки французский язык. При этом он рассказал, как глупо он себя чувствовал, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский язык был по меньшей мере так же необходим, как английский. И действительно, тогдашние английские буржуа были, как правило, совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью *. Еще и теперь

---

* Да и в деловых отношениях национально-шовинистическое чванство — очень плохой советник. До самого последнего времени заурядный английский фабрикант считал унизительным для англичанина говорить на другом языке, кроме своего собственного, и до некоторой степени гордился тем, что «бедняги»-иностранцы селятся в Англии и избавляют его от труда сбывать свои продукты за границей. Он даже не замечал того, что эти иностранцы, большей частью немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть английской внешней торговли — ввоз не менее, чем вывоз — и что непосредственная внешняя торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей, эти последние с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же сорок лет тому назад Германия начала серьезно производить на вывоз, эти немецкие торговые колонии сослужили ей прекрасную службу для превра-

бесконечные газетные споры на тему о «middleclass education»* обнаруживают, что английская буржуазия все еще считает себя неподготовленной для лучшего воспитания, а ищет для себя чего-нибудь поскромнее. Поэтому казалось вполне естественным, что и после отмены хлебных законов те люди, которые сумели добиться победы, эти Кобдены, Брайты, Форстеры и пр., были отстранены от всякого участия в правительстве страны, пока двадцать лет спустя новый акт о реформах не открыл им, наконец, двери министерства. Даже до сих пор английская буржуазия так глубоко проникнута сознанием своего более низкого общественного положения, что она на свои собственные и на народные деньги содержит парадную касту бездельников, которая должна во всех торжественных случаях достойно представлять нацию, причем буржуа считают для себя высшей честью, когда кто-нибудь из них признается достойным получить доступ в эту замкнутую корпорацию, сфабрикованную в конце концов самой же буржуазией.

Таким образом, промышленный и торговый средний класс не успел еще окончательно устранить земельную аристократию от политической власти, как на арену истории выступил новый конкурент, рабочий класс. Реакция, наступившая после чартистского движения и континентальных революций, и присоединившийся сюда небывалый расцвет английской промышленности с 1848 по 1866 г. (этот расцвет обыкновенно объясняют одной только свободой торговли, но он гораздо больше обязан своим возникновением колоссальному развитию железных дорог, океанских пароходов и вообще средств сообщения) снова поставили рабочих в зависимость от либеральной партии, в которой они, как и до чартистского движения, составляли радикальное крыло. Постепенно, однако,

---

щения ее в столь короткий срок из страны, вывозящей хлеб, в перворазрядную промышленную страну. Тогда, наконец, лет десять тому назад, английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что он не в состоянии удержать своих клиентов. Единогласный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы не только не пытаетесь удовлетворить потребности, привычки и вкусы вашего покупателя, но требуете еще, чтобы он принял ваши, английские. *(Примечание Энгельса.)*

* — «об образовании для буржуазии». *Ред.*

притязания со стороны рабочих на избирательные права стали непреодолимыми. Пока виги, руководившие либералами, все еще трусили, Дизраэли доказал свое превосходство; использовав благоприятный дляториев момент, он ввел в городских избирательных округах закон об избирательном праве для каждого, кто занимал отдельное жилое помещение (household suffrage), и вместе с тем — изменение избирательных округов. Вскоре вслед за этим последовало установление тайного голосования (the ballot); далее, в 1884 г. избирательное право квартиронанимателей было распространено на все округа, в том числе и в графствах, и произведено было новое распределение избирательных округов, которое до некоторой степени уравнивало их между собой. Благодаря всему этому сила рабочего класса на выборах настолько возросла, что сейчас рабочие составляют большинство избирателей в 150—200 избирательных округах. Но нет лучшей школы почтительного отношения к традиции, чем парламентская система! Если средний класс, преклоняясь и благоговея, взирал на группу, которую лорд Джон Маннерс в шутку называл «нашим старым дворянством», то и рабочая масса с уважением и почтением смотрела тогда на так называемый в то время «лучший класс», на буржуазию. И действительно, пятнадцать лет назад британский рабочий был образцовым рабочим, и его почтительнейшее отношение к положению его нанимателя, его самоограничение и смирение в тех случаях, когда он требовал прав для себя, лили целительный бальзам на раны, которые наносили нашим германским катедер-социалистам неисправимо-коммунистические и революционные стремления их соотечественников — германских рабочих.

Однако английские буржуа были хорошими дельцами и были дальновиднее германских профессоров. Только под давлением обстоятельств они делили свою власть с рабочими. Во время чартистского движения они научились понимать, на что способен народ, этот puer robustus sed malitiosus. С того времени буржуазии волей-неволей пришлось принять значительную часть требований Народной хартии, и они стали законом страны. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных

управлениях, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для всевозможных способов благочестивой демагогии, начиная от обрядности и кончая «Армией спасения».

И теперь наступило торжество британского респектабельного филистерства над свободомыслием и религиозным индифферентизмом континентального буржуа. Французские и германские рабочие стали бунтовщиками. Они повально были заражены социализмом и при этом, по весьма веским соображениям, вовсе не так уж были озабочены соблюдением законности при выборе средств для завоевания власти. Этот puer robustus действительно становился там с каждым днем все более malitiosus. Что же оставалось делать французскому и германскому буржуа в виде крайнего средства, как не отбросить втихомолку свое свободомыслие, подобно тому как дерзкий мальчишка, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигару, которой он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учении и обрядах и стали их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Французские буржуа отказались от мяса по пятницам, а германские буржуа до одурения сидели на своих церковных местах, слушая бесконечные протестантские проповеди. Со своим материализмом буржуа попали в беду. «Религия должна быть сохранена для народа» — таково последнее и единственное средство спасения общества от полной гибели. К несчастью для самих себя, они открыли это только тогда, когда сделали с своей стороны все возможное, чтобы навсегда разрушить религию. И тогда наступил момент, когда британский буржуа в свою очередь мог над ними посмеяться и крикнуть им: «Глупцы, это я мог бы сказать вам еще двести лет назад!»

Однако я опасаюсь, что ни религиозное тупоумие британского буржуа, ни наступившее post festum * обращение континентального буржуа не смогут сдержать поднимающийся все выше пролетарский поток. Традиция — это великий тормоз, это сила инерции в истории. Но она только пассивна и потому должна погибнуть. Религия тоже долго не может служить оплотом для капиталистического

* — после праздника, т. е. с опозданием. *Ред.*

общества. Если наши юридические, философские и религиозные представления являются более близкими или более отдаленными отпрысками господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились. Либо мы должны поверить в сверхъестественное откровение, либо согласиться, что никакие религиозные проповеди не в состоянии спасти гибнущее общество.

И действительно, в Англии рабочие также пришли снова в движение. Несомненно, они скованы различными традициями. Прежде всего буржуазными традициями: так, например, очень распространенным предрассудком, будто возможны только две партии, консервативная и либеральная, и будто рабочий класс должен добиваться своего освобождения при помощи могущественной либеральной партии. Затем — традициями рабочих, унаследованными со времени первых неуверенных попыток самостоятельных выступлений рабочего класса: такой традицией во многих старых тред-юнионах является исключение всех тех рабочих, которые не прошли регулярного ученичества; это означает только то, что каждый такой профессиональный союз готовит себе собственных штрейкбрехеров. Но, несмотря на все это, английский рабочий класс движется вперед, как вынужден был с прискорбием сообщить об этом своим катедер-социалистическим собратьям сам г. профессор Брентано. Рабочий класс движется — как все в Англии — медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью неуверенные, порой бесплодные попытки. Он движется местами с чрезмерным недоверием к *слову* социализм, впитывая постепенно в себя его *сущность*. Он движется, и его движение захватывает один слой рабочих за другим. В настоящее время оно пробудило от мертвого сна необученных рабочих лондонского Ист-Энда, и мы видели, какой великолепный толчок дали со своей стороны рабочему классу эти новые силы. И если ход этого движения не поспевает 8а нетерпеливыми требованиями тех или иных критиков, то пусть эти критики не забывают, что именно рабочий класс является хранителем лучших сторон английского национального характера и что в Англии каждый шаг вперед, раз он завоеван, никогда после не пропадет. Если

сыновья старых чартистов, по изложенным выше причинам, были не совсем таковы, как можно было бы ожидать, то, по всей видимости, внуки будут достойны своих дедов.

Однако победа европейского рабочего класса зависит не от одной Англии. Она может быть обеспечена только совместными усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии [6]. В обеих последних странах рабочее движение значительно опередило английское. В Германии можно даже уже определять время наступления его торжества. Успехи, достигнутые там рабочим движением за последние двадцать пять лет, не имеют себе равных. Оно идет вперед со все возрастающей быстротой. Если немецкая буржуазия показала свое жалкое убожество и отсутствие политических способностей, дисциплины, твердости, энергии, то немецкий рабочий класс показал, что всеми этими качествами он обладает в достаточной мере. Почти четыреста лет тому назад Германия была исходным пунктом первого крупного восстания европейской буржуазии; если судить по теперешнему положению вещей, разве не возможно, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?

Фридрих Энгельс

20 апреля 1892 г.

Впервые опубликовано в английском издании работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшем в Лондоне в 1892 г. Одновременно напечатано на немецком языке в журнале tNeue Zeit» за 1892—1893 гг.

Печатается по тексту книги: **К.** ***Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 83—106***

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

I

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову *, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые

* Вот что говорит Гегель о французской революции: «Мысль о праве, его понятие,— *сразу* завоевала себе признание, ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления.

она открыла посредством своего мышления, выступали с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречащая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была буржуазная собственность. Государство разума,— «общественный договор» Руссо,— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве

Мысль о праве положена была в основу конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор, как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, еще не было видано, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на мысль и сообразно с мыслью строил действительность. Анаксагор первый сказал, что Nûs, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна управлять духовной действительностью. Это был *величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг* властвовал в это время, и *весь мир проникся энтузиазмом духа,* как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром» *(Гегель.* Философия истории, 1840, стр. 535). Не пора ли, наконец, против такого опасного, ниспровергающего общественные устои учения покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах? *(Примечание Энгельса.)*

представительницы всего остального общества, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия *в борьбе с дворянством* имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во время реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров * — во время великой английской революции, Бабёфа — во время великой французской революции. Эти революционные вооруженные восстания еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII веках **, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, запрещавший всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у кото-

* Имеются в виду «истинные левеллеры» («истинные уравнители»), или, как их называли, «диггеры» («копатели»),— представители интересов городской и деревенской бедноты в период английской буржуазной революции XVII века. *Ред.*

** Энгельс имеет в виду произведения представителей утопического коммунизма — Томаса Мора (XVI век) и Кампанеллы (XVII век). *Ред.*

рого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были правильно поняты. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал истину. Что он теперь появился, что истина раскрылась именно теперь,— это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а просто счастливой случайностью. Этот гениальный человек мог бы с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и он тогда избавил бы человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, каким образом подготовлявшие революцию философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что́ противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развившегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это разумное общество и это разумное государство, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности

по сравнению с прежним строем, отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а в конечном счете под крылом наполеоновского деспотизма. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, именно этим магнатам; эта «свобода» превратилась, таким образом, для мелких буржуа и крестьян в свободу *от* собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Чистоган все более и более становился, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом этого общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, прежде выставлявшиеся напоказ,— не уничтоженные, впрочем, еще и теперь,— были все же отодвинуты пока на задний план, то тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались только тайком. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. Революционный девиз «братства» осуществился в плутнях и в зависти, порождаемых конкуренцией. Место насильственного угнетения занял подкуп, а вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием, дополняясь к тому же мно-

гочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории была заложена еще в 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взял на себя управление Нью-Лэнарком.

Но в это время капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера,— конфликты не только между созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения ею же созданных конфликтов. Если, следовательно, на рубеже XIX века конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были в тот период средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть и смогли, таким образом, привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность длительного господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне — сверху.

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталисти-

ческого производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, пришлось изобретать, создавать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались они в подробностях, тем дальше должны были уноситься в область чистой фантазии.

Установив это, мы не будем задерживаться больше ни минуты на этой стороне вопроса, ныне целиком принадлежащей прошлому. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыш гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят слепые филистеры.

Сен-Симон был сыном великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия есть только победа маленькой части этого сословия: эта победа свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия — имущей буржуазией. И к тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой — посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов при Директории привело Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота, Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла

форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству,— не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, это, по мнению Сен-Симона, доказано было опытом времени террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, неизбежно мистическим, строго иерархическим «новым христианством», призванным восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Наука же — это ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества, но все же сохранить по отношению к рабочим командующее и экономически привилегированное положение. Что касается банкиров, то именно они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. — Такой взгляд вполне соответствовал тому времени, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней и противоположность между буржуазией и пролетариатом находились еще только в процессе возникновения. Но что′ Сен-Симон особенно подчеркивает,— это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» («la classe la plus nombreuse et la plus pauvre»).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симон выдвигает положение, что «все люди должны работать». В том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс. «Посмотрите — восклицает он, обращаясь к последним,— что′ произошло во Франции, когда там господствовали ваши товарищи: они создали голод!» Но понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией *и неимущими*,— это в 1802 г. было в высшей

степени гениальным открытием. В 1816 г. Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если здесь понимание того, что экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. привести к «отмене государства», о чем так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г.,— тотчас по вступлении союзников в Париж,— а затем в 1815 г. (во время войны Ста дней), что союз Франции с Англией и во вторую очередь этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Поистине нужно было много мужества и исторической дальнозоркости, чтобы в 1815 г. проповедовать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается, однако, с большой глубиной анализа. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов после революции. Он беспощадно вскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем,— с их заявлениями о способности человечества к бесконечному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразы современных буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и осыпает едким сарказмом полнейший провал этой фразеологии. Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший с закатом революции всей тогдашней французской коммерческой деятельностью. Еще с бо́льшим мастерством

он критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень освобождения женщины есть естественное мерило всякого освобождения. Но ярче всего проявилось величие Фурье в его воззрении на историю общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, варварство, патриархат и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне буржуазным обществом, следовательно, с общественным порядком, развивающимся с XVI века, и он показывает, как эта «цивилизация придает сложную, двусмысленную, двуличную, лицемерную форму существования всякому пороку, который варварство практиковало в простом виде». Он указывает на «порочный круг» непреодолимых и постоянно вновь порождаемых противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренне или притворно, она стремится. Таким образом, например, «в цивилизации *бедность порождается самим избытком».* Фурье, как мы видим, так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектически он утверждает, в противовес фразам о неограниченной способности человека к совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет свою восходящую и нисходящую линию, и этот свой взгляд он развивает дальше по отношению к будущности всего человечества. Подобно тому как Кант ввел в естествознание идею о будущей гибели земли, Фурье в свое понимание истории включил мысль о будущей гибели человечества.

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новое машинное производство превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Все быстрее и быстрее совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, мы видим изменчивую массу ремесленников и мелких торговцев, обреченных на весьма шаткое существование и представляющих самую текучую часть населения. Новый способ произ-

водства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия — из деревни в город, из земледелия в промышленность, из стабильных в ежедневно меняющиеся, необеспеченные жизненные условия. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с детски чистым благородным характером и в то же время прирожденный руководитель, каких немного. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей-материалистов XVIII века о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития. Большинство собратьев Оуэна по общественному положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годные для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн же видел в промышленной революции благоприятный случай для того, чтобы осуществить свою любимую идею и тем самым внести порядок в этот хаос. В Манчестере он, как руководитель фабрики, где работало более 500 рабочих, сделал попытку, и притом успешную, применить эту идею. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лэнарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь в том же направлении, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в

особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста; дети так хорошо проводили в них время, что родители с трудом могли уводить их домой. В то время как конкуренты Оуэна заставляли своих рабочих работать по 13—14 часов ежедневно, в Нью-Лэнарке рабочий день длился не больше $10^1/_2$ часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, несмотря на это, продолжали получать полную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Те условия существования, которые он создал для своих рабочих, еще далеко не соответствовали в его глазах человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами»,— говорил он; сравнительно благоприятные условия, в которые он поставил рабочих Нью-Лэнарка, были далеко не достаточны для правильного всестороннего развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности. «А между тем трудящаяся часть этих 2500 человек создавала для общества такое количество реального богатства, для производства которого всего каких-нибудь полвека тому назад потребовался бы труд 600 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых 2500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000?» Ответ был ясен. Эта разность доставалась владельцам фабрики, которые получали 5% на вложенный в предприятие капитал и еще сверх того больше 300 000 фунтов стерлингов (6 000 000 марок) прибыли. В большей еще степени, чем к Нью-Лэнарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии. «Без этого нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и восстановления аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была ведь делом рук трудящегося класса» * Ему поэтому

* Из обращения под названием «Революция в умах и практике», адресованного ко всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам Европы», посланного французскому временному правительству 1848 г.; а также «королеве Виктории и ее ответственным советникам». *(Примечание Энгельса.)*

должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основою для общественного преобразования и должны были работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности.

На таких чисто деловых началах, как плод, так сказать, коммерческого подсчета, возник коммунизм Оуэна. Этот свой практический характер он сохранил до конца. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект коммунистических колоний с целью устранения ирландской нищеты и приложил к нему подробное вычисление необходимого вложения капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. А в своем окончательном плане будущего строя Оуэн разработал все технические подробности, вплоть до рабочих чертежей, фасада и вида с высоты птичьего полета, и все это выполнено с таким знанием дела, что если принять его метод преобразования общества, то очень немного можно возразить против подробностей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока он выступал просто как филантроп, он пожинал только богатство, одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только люди его общественного положения, но даже министры и коронованные особы. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, как дело приняло другой оборот. Три великих препятствия заграждали, по его мнению, путь к преобразованию общества: частная собственность, религия и существующая форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным в среде официального общества и лишиться своего общественного положения. Но эти соображения не могли остановить Оуэна, не убавили энергии его бесстрашного нападения. И произошло именно то, что он предвидел. Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессою, обедневший в результате неудачных коммунистических опытов в Америке, поглотивших все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет. Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г. благодаря его пятилет-

ним усилиям был проведен первый закон, ограничивший работу женщин и детей на фабриках. Он был председателем первого конгресса, на котором тред-юнионы всей Англии соединились в один большой, всеобщий профессиональный союз. Он же организовал — в качестве мероприятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому,— с одной стороны, кооперативные общества (потребительские и производительные товарищества), которые, по крайней мере, доказали в дальнейшем на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фабрикантов; с другой стороны — рабочие базары, на которых продукты труда обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили значительно более поздний прудоновский меновой банк, от которого они, однако, отличались как раз тем, что не возводились в универсальное целительное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к значительно более радикальному переустройству всего общества.

Образ мыслей утопистов долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще и поныне. Его придерживались до недавнего времени все французские и английские социалисты, а также прежний немецкий коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического межеумочного социализма, который действительно господствует до сих пор

в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собой в высшей степени пеструю, изобилующую всевозможными оттенками смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе,— смесь, которая получается тем легче, чем скорее ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было, прежде всего, поставить его на реальную почву.

II

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней развилась новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, исследовал уже существеннейшие формы диалектического мышления. Новая философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например, Декарт и Спиноза), напротив, все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне пределов философии в собственном смысле слова они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми».— Остановимся здесь вкратце на существе обоих методов мышления.

Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока более или менее отступают на задний план, мы больше обращаем внимание на движение, на переходы и связи, чем на то, *что* именно движется, переходит, находится в связи.

Этот первоначальный, наивный, но но сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частностей, из которых она слагается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать отдельные стороны (частности), мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям, и так далее. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятной причине, занимали у греков классических времен лишь второстепенное место, потому что грекам нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Только после того как естественнонаучный и исторический материал был в известной степени собран, можно было приступить к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды. Поэтому начатки точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода [7], а затем, в средние века, развивались дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов природы и природных вещей на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил нам привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как изменяющиеся существенным образом, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специ-

фическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными неопосредствованными противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собою и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложная вещь, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология установила, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им

извне вещества и выделяет из себя другие вещества, одни клетки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на *всю* противоположность между ними, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот.

Все эти процессы и все эти методы мышления не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод исследования. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми

результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. И в этом именно духе выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему, вечную и неизменную,— после того как был однажды дан пресловутый первый толчок,— в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп показал существование в мировом пространстве таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения.

Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком бессмысленных насилий, в равной мере достойных — перед судом созревшего ныне философского разума — лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что гегелевская система не разрешила этой поставленной перед собой задачи; ее

историческая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу. Задача же эта такова, что она никогда не может быть разрешена отдельным человеком. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был ограничен, во-первых, неизбежными пределами своих собственных знаний, а во-вторых, знаниями и воззрениями своей эпохи, точно так же ограниченными в отношении объема и глубины. К этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Таким образом, все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена. И поэтому, как бы верно и гениально ни были схвачены Гегелем некоторые отдельные связи явлений, все же многое и в частностях его системы должно было по упомянутым причинам оказаться натянутым, искусственным, надуманным, словом — извращенным. Гегелевская система как таковая была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. А именно, она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было воззрение на человеческую историю как на процесс развития, который по самой своей природе не может найти умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи от поколения к поколению.

Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, конечно, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отбрасыванию всей протекшей истории современный материализм видит в истории процесс

развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этою процесса. Как у французов XVIII века, так еще и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах с вечными мировыми телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в противоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Но в то время как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующий положительный материал для познания,— уже значительно раньше совершились исторические события, которые вызвали решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа, которые будто бы должны

явиться следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов. Производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории; теперь понимание истории стало материалистическим, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Поэтому социализм теперь уже рассматривается не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой

и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, не в состоянии был справиться с ним,— он мог лишь просто объявить его никуда негодным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе производства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии отчетливо понять, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости.* Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и совершаемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство, а также как производится сам капитал.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу.* Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать эту науку дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

III

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в исто-

рии обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что́ и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных перемен и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в их возрастающем понимании вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в *философии*, а в *экономии* соответственной эпохи. Пробуждающееся сознание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением» *,— является лишь симптомом того, что в способах производства и в формах обмена произошли незаметно такие перемены, к которым уже не подходит общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям. Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения открытого зла тоже должны быть налицо — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся отношениях производства. Надо не *отыскивать* эти средства в голове, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства.

Итак, как же, в связи с этим, обстоит дело с современным социализмом?

Всеми уже, пожалуй, признано, что существующий общественный строй создан господствующим теперь классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, называемый со времени Маркса капиталистическим, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с взаимными личными узами феодального строя; буржуазия разрушила феодальный строй и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев,— словом, всех буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор как пар и новое машинное производство превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, созданные под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как в свое время мануфактурами усовершенствовавшиеся под ее влиянием

* Слова Мефистофеля из «Фауста» Гёте. *Ред.*

ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в конфликт с узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже на целую голову переросли буржуазные формы их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей — подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью,— а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно,— рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на средства производства; в деревне господствовало земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполнила эту роль, начиная с XV века, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности,— подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала». Но буржуазия, как установил Маркс там же, не могла превратить ограниченные средства производства в мощные производительные силы, не превращая их из средств производства, применяемых отдельным человеком, в *общественные* средства производства, применяемые лишь *совместно массой людей*.

Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо маленьких мастерских — громадные фабрики, требующие совместного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных действий в ряд общественных действий, а продукты — из произведений отдельных лиц в продукты общественные. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь из фабрик и заводов, представляют собой продукт общего труда множества рабочих, которые в определенной последовательности прилагали к ним свои усилия, пока, наконец, не получились готовые вещи. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал *я,* это *мой* продукт».

Но там, где основной формой производства является стихийное разделение труда в обществе, возникшее постепенно, без всякого плана, там это разделение труда неизбежно придает продуктам форму *товаров,* взаимный обмен которых, купля и продажа, дает возможность отдельным производителям удовлетворять свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество отдельных производителей, товаропроизводителей, и вклинился новый способ производства. Среди стихийного, *бесплановаго* разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил разделение труда, организованное *по плану* на каждой отдельной фабрике; рядом с производством *отдельных* мелких производителей появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одних и тех же рынках, а следовательно, по ценам, по крайней мере, приблизительно равным. Но плановая организация оказалась могущественнее стихийного разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производителей. Производство отдельных производителей побивалось в одной области за другой, общественное производство революционизировало, наконец, весь старый способ производства. Однако этот революционный характер общественного производства так мало сознавался, что оно, наоборот, вводилось именно ради усиления и поощрения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с определенными, уже раньше его

существовавшими рычагами производства и обмена товаров: купеческим капиталом, ремеслами и наемным трудом. Ввиду того, что оно выступало как новая форма товарного производства, свойственные товарному производству формы присвоения также и для него сохраняли свою полную силу.

При той форме товарного производства, которая развивалась в средние века, вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть. Они изготовлялись отдельным производителем обыкновенно из собственного сырья, часто им же самим произведенного, собственными орудиями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе свои продукты; они принадлежали ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты покоилось *на собственном труде*. Даже там, где пользовались посторонней помощью, она, как правило, играла лишь побочную роль и зачастую вознаграждалась не одною лишь заработною платою, но и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания или платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они по-прежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдельных лиц. Если до сих пор собственник орудий труда присваивал продукт, потому что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукты, хотя они производились уже не *его трудом*, а исключительно *чужим трудом*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто на самом деле приводил в движение средства производства и в действительности был производителем этих продуктов, а *капиталистом*. Средства производства и производство по существу своему стали общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и вы-

носит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылки *. Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, *заключало в зародыш,е все коллизии современности*. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех экономически господствующих странах, сводя тем самым индивидуальное производство к незначительным остаткам, *тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением*.

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже готовой. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного, подсобного занятия, переходного положения. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, который мог обеспечить ему скудное существование. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого индивидуального производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного, каким он был прежде, он превратился теперь в единственное занятие рабочего. Рабочий, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса пожизненных наемных рабочих к тому же чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному крушению фео-

* Нет надобности разъяснять здесь, что если *форма* присвоения и остается прежней, то *характер* его вследствие вышеописанного процесса претерпевает не меньшую революцию, чем характер самого производства. Присваиваю ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда — это, конечно, два весьма различных вида присвоения. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия. *(Примечание Энгельса.),*

дального порядка, роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и так далее. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, с одной стороны, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией.*

Мы видели, что капиталистический способ производства вклинился в общество, состоявшее из отдельных товаропроизводителей, общественная связь между которыми осуществлялась посредством обмена их продуктов. Но особенность каждого общества, основанного на производстве товаров, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися у него средствами производства и для своей особой потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве он может найти потребителей; никто не знает, есть ли действительная нужда в продукте его единоличного труда, окупятся ли его издержки производства, да и вообще будет ли он продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы пробивают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и должны быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они устанавливаются помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения

личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и жизненные средства. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодальному господину; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали бо́льшую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и так далее. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок, марка * в деревнях, цехи в городах.

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать более открыто и властно. Старые связи были расшатаны, былые перегородки разрушены, и производители все более и более превращались в разъединенных и независимых товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу, принимая все более и более острый характер. А между тем главнейшее орудие, с помощью которого капитализм усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного в каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в любую отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое

* См. приложение в конце. *(Примечание Энгельса.)* — Здесь Энгельс делает ссылку на свою работу «Марка». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XV, стр. 629—645. *Ред.*

ремесло Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгоралась уже не только между местными отдельными производителями; местные схватки разрослись, в свою очередь, до размеров национальной борьбы, до торговых войн XVII и XVIII веков. Наконец, крупная промышленность и возникновение всемирного рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время придали ей неслыханную напряженность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется *как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*.

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье. Но во времена Фурье, конечно, еще невозможно было видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства превращает постоянно возрастающее большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства. Та же движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если вве-

дение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает все более и более усиленное вытеснение самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию, как я назвал ее еще в 1845 г.*, являющуюся к услугам производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую крахом, неизбежно следующим за каждым оживлением; эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, постоянно удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится сильнейшим оружием капитала против рабочего класса, что орудие труда постоянно вырывает средства к жизни из рук трудящегося и собственный продукт рабочих превращается в орудие их порабощения. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда является, вместе с тем, с самого начала самой беззастенчивой растратой рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям труда; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в рабочее время, в целях увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обусловливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету гоняющаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоп-

---

* «Положение рабочего класса в Англии», стр. 109. *(Примечание Энгельса.)* — См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 320—321. *Ред.*

лению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который *производит свой собственный продукт как капитал»* (Маркс. «Капитал», стр. 671) *. Ждать от капиталистического способа производства другого распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь в соединении с нею, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины и постоянно увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается настоящей детской игрушкой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять эту промышленность и качественно и количественно, потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Столкновение становится неизбежным, и так как оно не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то оно становится периодическим. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. Торговля оста-

* *См. К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVII, стр. 709, или *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 651. *Ред.*

навливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к жизни, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся товарные массы, более или менее обесцененные, не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой. Характер этих кризисов до такой степени ярко выражен, что Фурье определил все эти кризисы разом, назвав первый из них crise pléthorique, кризисом от излишка.

В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением доходит до насильственного взрыва. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена*.

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, что стала несовместимой с существующей рядом с ней и над ней анархией производства в обществе,— этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства перестает действовать под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, средства

к жизни, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала,— все элементы производства и общего благосостояния имеются в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений», потому́ что именно он-то и препятствует превращению средств производства и средств к жизни в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, т. е. в орудие эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и средствами к жизни, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил*.

Это сопротивление мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, по своей природе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства. Они опре-

деляют общую сумму того, что́ должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это и случилось в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство, как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено * взять на себя руководство производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

---

* Я говорю: *«вынуждено»,* так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения *действительно* перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет *экономически* неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим *всякое,* даже бисмарковское, обращение средств производства в государственную собственность. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгий-

Если кризисы показали неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных компаний, трестов и государства доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для самих капиталистов не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснявший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают, однако, капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных компаний и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превраще-

ское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог, когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода,— то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии, или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости. *(Примечание Энгельса.)*

ние в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прорываясь как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно,— этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер,— а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники,— до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощен-

ным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более обращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабо-

владельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает.* На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требования так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра.

С тех пор как на сцену истории выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда фактические условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осуществимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. п., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производ-

ства. Пока общественный труд дает в совокупности продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и так далее. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Поэтому если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, уничтожение общественных классов предполагает достижение той ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, уничтожение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов,— а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства,— не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и умственного развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и умственное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается

беспомощным перед бессмысленным противоречием, когда производители не могут потреблять, потому что недостает потребителей. Сила расширения средств производства разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, это присвоение сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и умственных способностей,— эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута* *.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Пре-

---

* Несколько цифр могут дать приблизительное представление о невероятной способности современных средств производства к расширению даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Гиффена общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

в 1814	г.	2 200	млн. ф.ст.	= 44млрд.марок
» 1865	»	6100	»	»» = 122»»
» 1875	»	8 500	»	»» = 170»»

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.) было установлено, что общие убытки одной только *германской железной промышленности* достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок. *(Примечание Энгельса.)*

кращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих нор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

В заключение подведем кратко итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество:* Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек подлежит продаже и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но уже и в это время оно заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства*.

II. *Капиталистическая революция:* Переворот в промышленности, совершающийся сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших

мастерских и превращение их этим путем из индивидуальных средств производства в общественные,— превращение, в общем и целом не коснувшееся формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Выступает *капиталист:* в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и превращает их в товары. Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

а) Отделение производителя от средств производства. Обречение рабочего на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией*.

б) Возрастающее значение и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Необузданная конкуренция. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом.*

в) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение из фабрик рабочих: *возникновение промышленной резервной армии.* С другой стороны — беспредельное расширение производства, что также стало принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение предложения над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь — излишек средств производства и продуктов*, *там — излишек рабочих* без работы и без средств существования. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам циркулировать иначе, как под условием предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает про-*

тив формы обмена. Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

г) Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сперва в собственность *акционерных компаний*, позже — трестов, а затем — и *государства.* Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. *Пролетарская революция*, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силою этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с этим и самую природу этого переворота и, таким образом, выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

Написано Ф. Энгельсом в 1877 г.

Напечатано в виде отдельной брошюры на французском языке в Париже в 1880 г., на немецком языке в Цюрихе в 1883 г. и в Берлине в 1891 г., на английском языке в Лондоне в 1892 г.

Печатается по тексту книги:
К. ***Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 107—145***

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» представляет собой три главы из «Анти-Дюринга», переработанные Энгельсом со специальной целью — дать рабочим популярное изложение марксизма.

Впервые отдельным изданием книга «Развитие социализма от утопии к науке» вышла в 1880 г. в Париже, где имела огромный успех среди рабочих. Она переведена на многие языки мира и издавалась в разных странах. Была переведена на русский язык и напечатана за границей группой «Освобождение труда», тайно распространялась в России. С тех пор эта работа много раз переиздавалась, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции.— *1*.

[2] *Лассальянцы* и *эйзенахцы* — две партии в германском рабочем движении в 60-х и начале 70-х годов XIX века.

Лассальянцы — сторонники и последователи Ф. Лассаля. Основным ядром лассальянцев был «Всеобщий германский рабочий союз», основанный Лассалем в 1863 г. Признавая возможность преобразования капитализма в социализм при помощи рабочих ассоциаций, поддерживаемых капиталистическим государством, лассальянцы проповедовали замену революционной борьбы рабочего класса борьбой за всеобщее избирательное право и внутрипарламентской деятельностью.

Маркс резко критиковал лассальянцев и отмечал, что они «в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции». Оценку теоретических взглядов лассальянцев и их тактики Маркс дал в своих произведениях «Критика Готской программы», «Мнимые расколы в Интернационале» и в переписке с Энгельсом.

Эйзенахцы — сторонники марксизма, находившиеся под идейным влиянием К. Маркса и Ф. Энгельса. Во главе с В. Либкнехтом и А. Бебелем они учредили па съезде в Эйзенахе в 1869 г. Социал-демократическую рабочую партию Германии.

Между этими партиями велась ожесточенная борьба.

Под влиянием подъема рабочего движения и усиления правительственных репрессий обе партии в 1875 г. на съезде в Готе слились в единую Социалистическую рабочую партию Германии, в которой лассальянцы представляли оппортунистическое крыло.

Ленин дал характеристику лассальянцев и эйзенахцев в статье «Август Бебель», написанной в августе 1913 г. — *5*.

[3] *«Vorwärts»* («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; издавалась с 1876 г. под редакцией В. Либкнехта. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в «Vorwärts'е» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. В годы первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма. После Великой Октябрьской социалистической революции газета «Vorwärts» стала одним из центров антисоветской пропаганды; выходила в Берлине до 1933 года.

С апреля 1946 года «Vorwärts» вновь выходит в Берлине: вначале как издание берлинской организации Социалистической единой партии Германии; в настоящее время — как еженедельное издание Органа Центрального Комитета СЕПГ — «Neues Deutschland». — *6*.

[4] *«Марка»* — древнегерманская община. Под этим заглавием Энгельс дал в приложении к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» краткий очерк истории немецкого крестьянства с древних времен.— 7.

[5] В 1815 г. был принят закон, запрещавший ввоз хлеба из-за границы до тех нор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, повышавшая ввозные пошлины на хлеб с понижением его цены на внутреннем рынке и понижавшая их с повышением этой цены. Хлебные законы проводились торийскими кабинетами в интересах крупных землевладельцев — лендлордов.

В 1838 г. манчестерские фабриканты Кобден и Брайт основали Лигу против хлебных законов. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене.— *24*.

[6] Этот вывод о возможности победы пролетарской революции лишь одновременно в передовых капиталистических странах и, следовательно, о невозможности победы революции в одной стра-

не, получивший наиболее законченную формулировку в работе Энгельса «Принципы коммунизма» (1847), был верен для периода домонополистического капитализма. В новых исторических условиях, в период монополистического капитализма, В. И. Ленин, исходя из открытого им закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, пришел к новому выводу — о возможности победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и о невозможности одновременной победы революции во всех странах или в большинстве стран. Формулировка этого нового вывода была впервые дана в статье В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915). — *31*.

[7] *Александрийский период* развития науки относится ко времени от III века до н. э. по VII век н. э. и получил свое название от египетского города Александрии (на побережье Средиземного моря), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В Александрийский период получил большое развитие ряд наук: математика (Эвклид и Архимед), геоґрафия, астрономия, анатомия, физиология и др.— *47*.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 2

Введение к английскому изданию 5

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТУТОПИИ К НАУКЕ 32

I 32

И 46

[11]1 54

Примечания 77

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

ВЫПУСК 5

Подготовитель выпуска *Л. Г. Барулина*

Оформление художника *И. К. Байтодорова*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректор *В.* Л. *Фокина*

Подписано к печати с матриц 24 июня 1960 г. Формат 84 X $108^{1}/_{32}$.
Физ. печ. л. 27а. Условн. печ. л. 4,1. Уч.-изд. л. 4,21. Тираж 42,5 тыс. экз:
Заказ JSß 1898. Цена 1 руб. С 1/1 1961 г. цена 10 коп.

Государственное издательство политической литературы,.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в Первой Образцовой типографии
имени А. А Жданова Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано в типографии «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р.
с 1/I 1961 г. цена 10 коп.